

Последние шаги на пути в вечность

18 февраля – день мученической кончины священника Тихвинского Введенского женского монастыря Николая Борисовича Васильевского. Ровно 90 лет назад, 18 февраля 1931 г., приговор тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 10 февраля 1931 г. – «расстрелять» – был приведен в исполнение. Отцу Николаю шел 74-й год.

Наверное, не было в нашем городе в то время человека, который не знал его. Отец Николай более четырех десятилетий был священником Введенского женского монастыря, несколько лет представлял духовенство в Городской думе, принимал участие в работе комиссии по устройству Тихвинского духовного училища, а после его открытия являлся членом его правления.

Более 35 лет был законоучителем в Тихвинской женской прогимназии (с 1909 г. – гимназии) и основал школу грамоты для крестьянских детей в Кайваксе.

Арестовали отца Николая 6 января в преддверии одного из самых главных и любимых христианских праздников – Рождества Христова. С тех пор он содержался в тюрьме под названием Исправтруддом, располагавшейся по иронии судьбы на территории бывшего Введенского монастыря, в котором о. Николай столько лет служил Богу и людям верой и правдой.

Ранним утром 14 февраля, когда город еще спал, накануне другого двенадцатого праздника – Сретения, дежурный охранник Тихвинского Исправтруддома приказал ему быстро собраться и отвел священника к выходу. Выйдя на свежий воздух, отец Николай зашелся сильнейшим кашлем: он уже давно страдал бронхиальной астмой. А сорок дней, проведенных в переполненной тюремной камере (заключенных было в три раза больше нормы), еще более усугубили и без того его слабое здоровье.

Перед тюремной дверью рядом с ним стояли еще четыре человека: иеромонах Пимен (Бутылкин), с которым они по праздникам служили в церкви Иова Многострадального, Александр Шижанский, Василий Харитоновский и Василий Чистяков. Арестанты тщетно пытались как-то укрыться от пронизывающего ледяного ветра.

От остальной территории бывшего Введенского женского монастыря Исправтруддом был огорожен высоким сплошным забором. До 1917 г. отец Николай мог бы с закрытыми глазами найти путь к каждому из трех храмов обители. За долгие годы служения в монастыре он досконально изучил каждую тропинку, каждое деревце, каждый кустик и даже, кажется, камешек на дороге. 49 лет назад, 4 февраля 1882 г., он впервые служил литургию в этой обители. Какими же красивыми и величественными были тогда ее храмы! А сейчас, в 1931 году, в теплом храме Рождества Богородицы хранились строительные материалы, а Введенский собор был превращен в склад овса. На паперти собора стояли станки производственной мастерской ФЗУ, основаниями для которых служили надгробные памятники с уничтоженного в 1927 г. монастырского кладбища. Была стерта с лица земли маленькая могилка его первой доченьки Машеньки, умершей в 7-месячном возрасте, не найти теперь ни могил родителей его жены, ни сотен других захоронений. Мыслимо ли было такое раньше?!

Раздался приказ идти к входным воротам. Сколько раз за свою жизнь он проходил через них – не сосчитать! Теперь предстояло пройти уже в последний раз – это отец Николай знал наверняка. Попробуем представить, какие мысли и чувства вызвал у него этот последний путь по городу, давно ставшему родным.

Сквозь темноту февральского утра он смог разглядеть очертания монастырской часовни, стоящей прямо напротив входа в обитель. После революции она сначала была приспособлена под квартиры, год назад жильцов из нее выселили, превратив в ремонтные мастерские Исправтруддома.

Из канцелярии тюрьмы, находившейся в здании бывшей монастырской гостиницы за стеной обители, выбежал с личными делами осужденный сотрудник Волховского оперсектора ОГПУ Рубаев, который будет их сопровождать.

Пошли в сторону бывшей Богородицкой улицы, ныне Советской. Если идти прямо, не сворачивая, то можно было дойти до кладбища, где под стенами Иовской церкви покоился прах его старшего сына Алексея, трагически погибшего в результате несчастного случая почти 20 лет назад. Алёше было всего 28 лет. Через неделю после его кончины у него родился сын Георгий. Одному Богу ведомо, как они с матушкой пережили эту

беду... Каждый раз, когда он служил в церкви Иова Многострадального, он непременно подходил к могиле сына.

Уже год, как по состоянию здоровья отец Николай вышел за штат, но по праздничным дням принимал участие в богослужениях. За это его и арестовали, обвиняя в том, что он исповедовал идеи иосифлянского религиозного течения, не признававшего «Декларацию» митрополита Сергия (Страгородского). За «уклонение в иосифлянский раскол» он, как и все другие иосифляне, был запрещен в служении митрополитом Серафимом (Чичаговым). Вот это обстоятельство не давало ему покоя. Ровно месяц назад он написал Владыке покаянное письмо с просьбой снять запрет. Его пугала не сама смерть – страшно было умереть под запрещением. Но дошло ли прошение до адресата? Он не знал, что письмо даже не было отправлено, оно так и осталось лежать в уголовном деле...

А путь к вокзалу продолжался... Повернули направо. Всего несколько шагов и будет бывшая Богородицкая-Явленская улица, теперь носящая имя великого русского композитора. В какой-то паре сотен метров, сразу за домом Римских-Корсаковых, стоит его дом. Без малого полвека прожил он в нем со своей женой Екатериной, с которой они давно стали нераздельным единым целым, вырастили семь детей, мечтали провести старость в покое, занимаясь внуками и домашним хозяйством. Но судьба распорядилась иначе.

Последние 13 лет стали для семьи кошмаром. Их всех лишили гражданских прав, что влекло за собой множество проблем. Возникли трудности с получением пособий по безработице и пенсий, с карточками на продукты питания, которых «лишенцам» иногда просто не выдавали. Его самого как священника обложили высокими налогами, дети страдали от невозможности устроиться на работу.

Знает ли его милая Катенька, что его сейчас ведут в сторону вокзала и что им не суждено больше увидеться? Постарела она за последние годы, сдала, но для него она все такая же красивая, как и прежде. Он был рад, что рядом с ней сейчас верная помощница по хозяйству и бывшая няня их детей Василисса Кукушкина, которую все в доме звали коротко Вассой. Когда следователь задал вопрос о составе семьи, отец Николай назвал и ее. Она давно стала для них родным человеком.

Перед Богородицким мостом он вдруг неожиданно увидел своих дочерей – Надюшу и Ольеньку. Даже не увидел, а услышал, как они его окликнули: «Папа, папа, батюшка!» Окоченевшие от холода и ветра, с заплаканными лицами, они устремились к нему, но были остановлены конвоем. Его бедные девочки просидели всю ночь под мостом, вглядываясь в непроглядную тьму и прислушиваясь к каждому шороху. Накануне кто-то шепнул одной из них, что рано утром на железнодорожный вокзал поведут группу заключенных, в которой будет и батюшка, и они боялись упустить этот момент. Дочери пошли за колонной в сторону вокзала чуть в стороне.

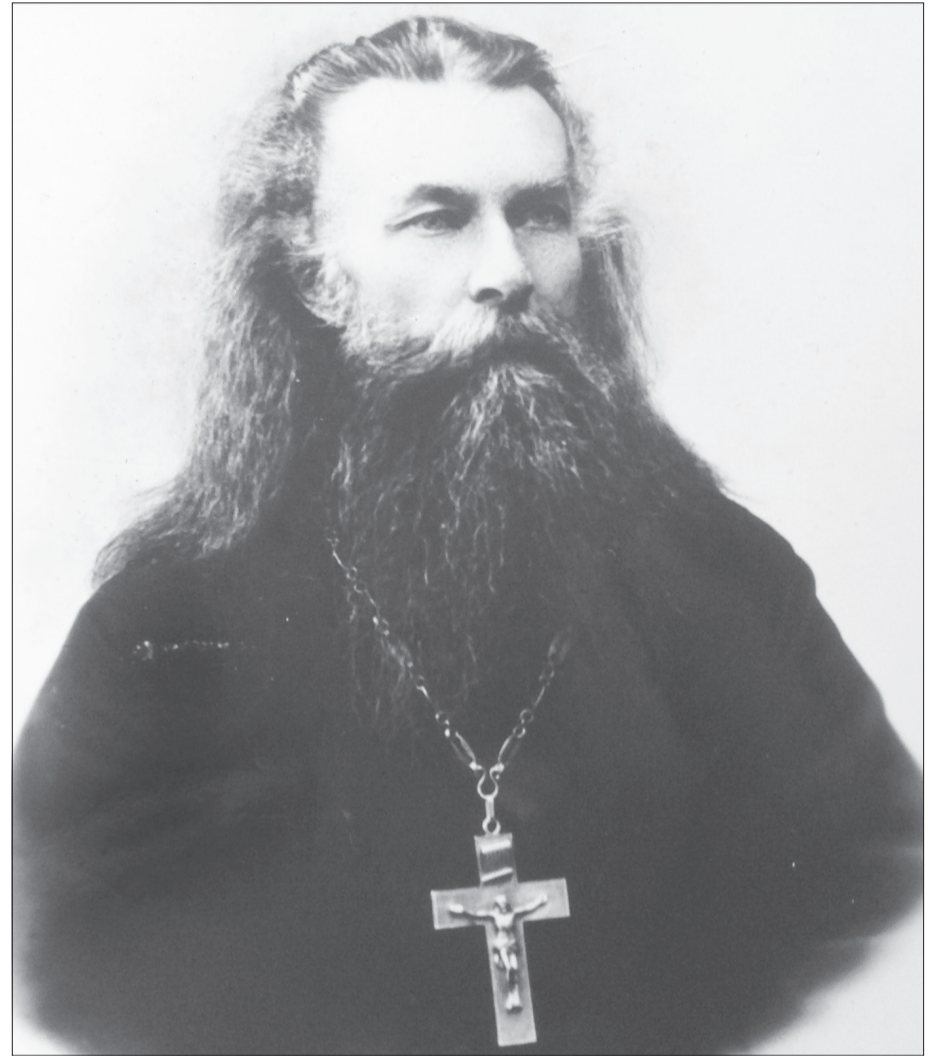
Надежда и Ольга жили вместе с родителями. У Нади было уже два сынишки: Олег и Юрочка. Красавица и умница Ольга замуж так пока и не вышла, что родителей беспокоило, ей было уже за 30. Она была единственной кормилицей в семье, работала кассиром в кинотеатре. Три другие дочери: Мария, Лидия и Вера – из Тихвина уехали. Как же болела его душа за каждую!

Перешли Богородицкий мост через Тихвинку. Сразу за ним ворота, через которые тихвинцы и паломники с душевным трепетом направлялись к Успенскому собору с его главной святыней – чудотворной иконой Божией Матери.

С тех пор, как монастырь захватили обновленцы, отец Николай там почти не бывал. Слева от ворот стояла бывшая часовня, посвященная иконе «Споручница грешных», в ней теперь что-то продавали. Справа от ворот здание бывшей богадельни, сейчас в нем находилась электростанция. А Скорбященскую церковь богдельни превратили лет пять назад в клуб.

А вот справа по Богородицкой улице и бывшее здание женской гимназии, в которой отец Николай с 1882 по 1914 годы – 32 года!

ИЗ ИСТОРИИ ТИХВИНСКИХ МОНАСТЫРЕЙ И ХРАМОВ

– преподавал Закон Божий. Здесь же учились все его дочери. Здание было непригодно для занятий, места мало, в классах мрачно и холодно, но гимназистки учились с большим интересом и были очень старательными. Каждую из своих учениц он помнил. А было их много, очень много. В 1914 г. гимназия переехала в новое здание, в котором ему довелось поработать только 3 года. После революции ее преобразовали в советскую школу и предмет «Закон Божий» из учебного плана убрали.

Налево – дом Аплоновых. Когда-то отец Николай любил заходить вместе с дочками в кондитерский магазин, расположенный на первом этаже, и смотреть на то, как они выбирают конфеты в разноцветных обертках или лакомятся мороженым. Рассказывали, что старший сын Аплоновых Сережа, совсем еще юный, большой умница, студент Богословских курсов, пару лет назад был арестован и выслан из Петрограда куда-то в Оренбургскую область.

Путь по Богородицкой продолжался... Не узнать теперь бывшую красавицу Реконьскую часовню, 40-метровая колокольня Спасо-Преображенского собора наполовину разрушена, а сам собор обезглавили и открыли в нем кинотеатр. 49 лет назад, 20 января 1882 г., он венчался в этом соборе с 17-летней Катенькой Феофиловой – учительницей женской прогимназии. А 26 января 1912 г. в этом же храме состоялось венчание его сына Алексея с Катенькой Кирилловой, тоже учительницей этой же гимназии. Как быстро пролетело время!

Городской сад... Когда-то отец Николай, будучи представителем духовенства в Городской думе, воспротивился постройке напротив Спасо-Преображенского собора так называемого «Народного дома». Для него было немислимым, чтобы одновременно с церковным благом стали совершаемы в церкви таинства бракосочетания или крещения из находящегося поблизости здания раздавалось звучание духового оркестра, граммофонных записей или слышалось пение. Тогда его слово в городе что-то значило, и к нему прислушались.

Пересекли Каменную площадь, ныне Советскую, по направлению к Новгородской улице. Все тут до боли было родным. Но с каждым годом все меняется. Скоро тут планируют поставить еще один памятник человеку, которому люди стали поклоняться, сей идолу вместо Бога. Поговаривали, что первый в городе памятник Ленину, тот, что на железнодорожном вокзале, отлили из колоколов тихвинской тюремной церкви.

Вот и Новгородская улица. Теперь до вокзала рукой подать, идти все по прямой. Про-

шли дом, в котором живет семья его младшего сына Михаила. Не увидел, но сердце подсказало, что в щелочку между задернутыми оконными шторами, обливаясь слезами, смотрела на проходящую мимо колонну арестантов его невестка Катя. Так уж получилось, что и его жена, и супруги его сыновей носили одинаковое имя. Его сына Михаила в городе не было. Только потому, что он сын священника, его лишили гражданских прав: не принимали на работу, а если принимали, то сокращали в первую очередь. Не принимались во внимание ни его участие в Первой мировой войне, ни трехлетняя служба в Красной армии, ни хорошее образование. Вернувшись в 1930 г. из Карелии, он смог устроиться десятником по лесному хозяйству в Ефимовский лесхоз. Михаил был рад любой работе, потому что надо было кормить семью, в которой подрастали две дочери, внуки отца Николая – Наташа и Лидочка.

Как бы медленно ни шли обессилевшие арестанты, но вот и вокзал, возле которого стояла большая толпа. Конечно, там собрались родные и близкие и других заключенных, чтобы успеть увидеть их и попрощаться.

Но в памяти тихвинцев отложилось, что это было прощание именно с отцом Николаем. Милиции, несмотря на все старания, не сразу удалось разогнать людей. Пришли не только родные и друзья, но и бывшие прихожане Введенского монастыря и церкви Иова Многострадального, в которой он служил последнее время, и бывшие ученики духовного училища, и бывшие ученицы женской гимназии.

Подождал состав, направлявшийся в сторону Ленинграда. Отец Николай с трудом поднялся в так называемый «столыпинский вагон», прицепленный к пассажирскому поезду. Заключенных затолкали в огороженное железной решеткой купе. Лязнул засов двери. Поезд тронулся... Завтра праздник Сретения Господня. Сретение – значит «встреча», встреча с Господом. «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко...», – зазвучала в сердце молитва...

18 февраля 1931 г. приговор тройки ОГПУ о высшей мере наказания (расстреле) был приведен в исполнение.

Заключением прокуратуры Ленинградской области от 5 октября 1989 года Николай Борисович Васильевский реабилитирован.

Никто не знает, где покоится прах отца Николая. Прийти к его могиле мы не можем, но каждый из нас может обратиться к Богу с молитвой: «Со святыми упокой, Господи, душу убиенного раба Твоего протоиерея Николая!»

Светлана Старшина.